

чила, то въ залѣ наступила мертвая тишина. И когда, наконецъ, она повернулась съ тѣмъ, чтобы уйти со сцены, раздался сильный взрывъ восторга. Ей было тогда 53 года. Этотъ голосъ, по выраженію одного талантливаго человѣка, былъ какой-то молитвой звуковъ. И въ этомъ ли голосѣ заключалась вся тайна ея счастливой, ясной жизни и ея успѣха?

— Если вы просите, то они не будутъ повѣшены, — сказала королева Изабелла, когда Ристори просила ее о помилованіи присужденныхъ къ смертной казни солдатъ...

Графъ Кавуръ писалъ ей въ Парижъ: «Если вы не можете убѣдить князя Горчакова, то въ такомъ случаѣ онъ — неисправимый преступникъ. Но всетаки, я надѣюсь, ваше слово не пройдетъ безслѣдно въ его душѣ».

Такъ это и было.

И гдѣ бы она ни была, народъ всюду восторженно слѣдовалъ за ней.

«Вся ея душа была проникнута чѣмъ-то неизъяснимымъ, чарующимъ, и тотъ, кто испытывалъ на себѣ ея обаяніе, тотъ дѣлался лучше и чище. Такъ бываетъ обыкновенно съ одинокимъ странникомъ, въ темномъ лѣсу услышавшимъ чудное пѣніе соловья».

Она уже зарыта въ могилѣ, но память о ней жива еще въ сердцахъ я народа, который воздвигнетъ ей вѣчный памятникъ.

* * *

Актеръ-баронетъ. Въ Англійи появилась очень интересная книга, которая можетъ заинтересовать и русскаго читателя, питающаго склонность къ театру. Брамъ Стокеръ издалъ недавно «Личныя воспоминанія о Генри Ирвингѣ». Стокеръ — журналистъ и въ продолженіе долгихъ лѣтъ былъ секретаремъ и другомъ великаго англійскаго актера. Два тома, изданные имъ, не только воскрешаютъ всю дѣятельность Ирвинга, но являются въ нѣкоторомъ родѣ картиной англійскаго общества въ концѣ XIX вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, Ирвингъ былъ не только геніальнымъ актеромъ, преемникомъ Кина и Кембля, онъ былъ представителемъ искусства, разнесившимъ по свѣту славу англійской литературы. Немногіе артисты пользовались подобной популярностью. Немногіе люди прожили болѣе счастливо.

Кто бы могъ сказать въ 1859 году Генри Ирвингу, въ то время совершенно еще неизвѣстному, что его имя сдѣлается знаменитымъ и онъ получитъ титулъ баронета отъ самой королевы Викторіи. Онъ дебютировалъ двадцати одного года и всегда говорилъ съ восхищеніемъ о томъ времени, когда ему еще свистали. Да, Генри Ирвингъ былъ освистанъ, какъ и всякій другой. Не потому, чтобы онъ дурно игралъ, но онъ долженъ былъ замѣнить въ дублинскомъ театрѣ актера, любимаго публикой. Едва онъ появился на сценѣ, какъ зрители принялись свистать дебютанту, трости и бинокли дождемъ посыпались на подмостки. «Сколько времени продолжалось это?», спрашивали позднѣе Ирвинга. «Около шести недѣль. Что станете дѣлать? Въ меня бросали гнилыми яйцами и другими предметами».

Семнадцать лѣтъ спустя тотъ же Дублинъ принималъ его торжественно въ университетѣ и депутація поднесла ему адресъ, въ которомъ благодарила отъ имени страны великаго актера. Толпа отпрягла лошадей отъ его коляски; весь городъ вышелъ встрѣчать его. Теперь уже никто

не бросать въ него гнилыми яйцами, его забрасывали дипломами и вѣнками.

У Ирвинга не был ни гроша, когда онъ взялъ на себя дирекцію театра «Лицеумъ», который превратилъ въ домъ Шекспира. Онъ нажилъ имъ миллионы и растратилъ цѣлое состояніе. Для постановки «Данте» Викторьена Сарду онъ не колеблясь затратилъ почти 130.000 рублей. Талантъ Ирвинга можетъ быть охарактеризованъ однимъ словомъ: простота. Мало жестовъ, мало возгласовъ. «Артистъ,—говорилъ онъ часто,—долженъ помнить, что онъ фигура въ общей картинѣ и что малѣйшее преувеличеніе нарушаетъ гармонию; но у сцены своя специальная оптика, тамъ все увеличено. Салонный разговоръ не произведетъ никакого эффекта. Искусство есть только иллюзія; оно не создаетъ, а довольствуется тѣмъ, что заставляетъ чувствовать.

Послѣдніе годы его жизни были омрачены. Успѣхъ никогда не похищалъ артиста, но Ирвингъ тратилъ безъ счета. Во время своего турне по Америкѣ онъ заработалъ полмилліона долларовъ, но приемы друзей, ужины, невѣроятно роскошная обстановка комнатъ, все это стоитъ дорого. И, конечно, Генри Ирвингу было больно играть въ «Лицеумѣ», продавъ его акціонерному обществу. Онъ пережилъ пожаръ складовъ декораций своего театра: сорокъ четыре пьесы были разрушены! Полное разореніе! Но Ирвингъ не палъ духомъ, онъ боролся до конца и умеръ, выходя со сцены, явивъ гордый примѣръ энергіи своимъ двумъ сыновьямъ, изъ которыхъ одинъ переводчикъ и драматическій писатель (авторъ драмы «Петръ Великій»), другой актеръ, какъ отецъ. Ирвингъ позналъ славу, почетъ, владѣлъ миллионами и умеръ нищимъ.

* * *

Символизмъ во Франціи. Замѣчательная книга Роберта Зуца «De nous en sommes. La victoire du silence» нѣсколько неясна по своему заглавію для тѣхъ, кто еще не познакомился съ ней. Эта историческая, апологетическая книга не есть произведеніе одного человѣка, она выражаетъ взгляды цѣлой группы лицъ, докладчикомъ которыхъ является Робертъ Зуца. Весьма вѣроятно, что во Франціи она вызоветъ оживленные споры, потому что враги символизма не захотятъ остаться побѣжденными и, конечно, возобновятъ свои натиски еще сильнѣе. Для насъ, стоящихъ вдали отъ поля битвы, произведеніе Роберта Зуца является прежде всего историческимъ документомъ.

Отличительной чертой во французскомъ символизмѣ является то, что главные представители его принадлежатъ къ германской или вообще къ сѣвернымъ расамъ: Метерлинкъ, Верхарнъ, Шарль ванъ-Лербергъ—природные фламандцы; Альбертъ Заменъ былъ сѣвернымъ французомъ, по матери также фламандецъ, равно какъ и Верлэнъ, который происходилъ родомъ изъ Лотарингіи и носилъ фламандское имя; фламандскую кровь долженъ имѣть также и Леонъ Диркъ, такъ какъ его имя чисто фламандское; Альбертъ Моккель принадлежитъ къ нѣмецкому роду; Густавъ Канъ—нѣмецкій еврей; Марсель Швабъ свое происхожденіе доказываетъ своимъ именемъ; Стюартъ Меррилль—американецъ; Генри де-Ренье—французскій аристократъ и, какъ вообще французское дворянство, не чуждъ германской крови, точно также и французъ-сѣверянинъ Артуръ Риббо. Это явленіе, впрочемъ, не такъ уже удивительно. Въ важныя эпохи французской литературы всегда оказывалось это воз-